Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

И.П. Рождественский

Символика греческой церкви. Сочинение д-ра В. Гасса. Берлин, 1872 года

Опубликовано:
Христианское чтение. 1874. № 6. С. 165-190.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru), 2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбПДА
Санкт-Петербург
2010

СИМВОЛИКА ГРЕЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ, СОЧИНЕНІЕ Д-РА В. ГАССА. БЕРЛИНЪ, 1872 Г.—SYMBOLIK DER GRIECHISCHEN KIRCHE VON DR. W. GASS, BERLIN, 1872.—И ТОЛКИ ПО ПОВОДУ ЕЯ ВЪ НѢМЕЦКОЙ БОГОСЛОВСКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

Кому не извѣстно, какъ игнорировали до послѣдняго времени православную церковь наши западные сосѣди. Нѣтъ ни одной церкви, даже секты, которая внушала бы нѣсколько лѣтъ назадъ ученой Германіи меньше симпатіи, меньше интереса, чѣмъ восточная церковь со времени отдѣленія ея отъ западной. Нѣмецкіе ученые, съ страннымъ упорствомъ, не хотѣли въ области общей церковно-исторической науки почти ничего говорить о греко-русской и другихъ православныхъ церквахъ Востока. Были, правда, отдѣльныя исключенія, какъ напр. труды Пихлера, Гергенрётера и др. по изученію восточной церкви, но такія исключенія бывали очень рѣдки; а между тѣмъ основательное знакомство съ греко-восточною церковью, съ ея ученіемъ, исторіею, литературою, день ото дня становится необходимѣе для западныхъ ученыхъ. Какъ можно дѣлать общіе выводы и соображенія въ области церковно-исторической науки, не зная исторіи восточной церкви и ея современнаго положенія? Сколько древняго, первоначальнаго, давно заброшеннаго на западѣ сохранилось въ восточной церкви! Какъ лю-

бопытны явленія ея позднѣйшей исторіи! Но нигдѣ конечно восточная церковь не можетъ представить столько интереса для западныхъ ученыхъ, какъ въ области своего вѣроученія. Въ то время, какъ западные ученые должны съ огромнымъ трудомъ и посредствомъ усиленныхъ изысканій добираться до зерна чистой христіанской истины, сохранившейся отчасти въ ихъ исповѣдныхъ системахъ, сложившихся подъ разными искусственными вліяніями,—въ источникахъ православнаго вѣроученія они могутъ черпать эту истину въ ея чистомъ, цѣлостномъ видѣ. Многіе нѣмецкіе ученые и въ прежнее время отчасти понимали это; изъ ихъ густыхъ рядовъ по временамъ выдѣлялись смѣльчаки, которые считали выгоднымъ пріобрѣсть дешевую славу, затрогивая эту непочатую почву. Но, изучая свой предметъ чуть не по газетнымъ уткамъ и частнымъ сплетнямъ, они, по большей части, задавались тенденціей угодить толпѣ обличеніемъ и каррикатурными картинами православной обрядности, набожности и т. под. Болѣе честные и добросовѣстные дѣятели нѣмецкой науки, не считая себя въ правѣ говорить и писать о томъ, чего не изучали, жалѣли, что матеріалы и изслѣдованія православныхъ ученыхъ о своей церкви недоступны имъ по языку, и упрекали насъ русскихъ въ томъ, что мы не пишемъ по-французски, по-нѣмецки, или по-латини, для удовлетворенія ихъ ученой любознательности, хотя между ними всегда было не мало лицъ, знавшихъ китайскій, арабскій, персидскій и другіе языки, не употребительные въ Европѣ. Между тѣмъ эта разобщенность нашей богословской литературы отъ западной неблагопріятно вліяла и на развитіе нашей богословской уче-

ности. Наши ученобогословскіе труды, оставаясь въ сторонѣ отъ критики западныхъ сосѣдей, не имѣли одного изъ весьма важныхъ побужденій къ бо́льшей тщательности въ изученіи источниковъ: обстоятельности въ изслѣдованіи предмета и самостоятельности въ разработкѣ научныхъ матеріаловъ.

Едва ли нужно прибавлять, что даже серьезнѣйшіе изъ нѣмецкихъ ученыхъ до послѣдняго времени не могли, рядомъ съ крупицами правды, не наговорить кучи нелѣпостей, какъ только имъ приходилось по какому нибудь поводу трактовать о русской церкви. Вотъ, напримѣръ, отзывъ Деллингера о нашей церкви, относящійся не далѣе какъ къ 1862-му году и находящійся въ его извѣстномъ сочиненіи о «Церкви и церквахъ» («Kirche und Kirchen»). «Едвали, писалъ онъ, найдется въ христіанской исторіи другой примѣръ, гдѣ-бы въ такой степени, какъ въ церкви русской, недоставало всякаго самостоятельнаго движенія, всякой свободной органической дѣятельности. Въ ней нѣтъ никакихъ соборовъ, никакихъ совѣщаній духовенства, никакого взаимоотношенія между клиромъ и прихожанами, никакихъ высшихъ центровъ церковной науки и образованія, никакого обмѣна взглядовъ чрезъ литературные органы, чрезъ церковную литературу. Такой литературы даже вовсе не существуетъ въ Россіи и не можетъ существовать. А отсюда слѣдуетъ уже само собою, что въ русской церкви нѣтъ никакого общественнаго мнѣнія, и нельзя сказать, чтобы русскій клиръ стремился къ какой нибудь опредѣленной цѣли не только ясно и сознательно, но хотя бы смутно и инстинктивно ощущаемой. Широкая, непроходимая пропасть отдѣляетъ тамъ епископа отъ его

духовенства. Епископъ — почти всегда престарѣлый монахъ, который послѣ жизни, проведенной въ кельѣ, совершенно незнакомый съ администраціею, волею императора мгновенно возводится на епископскую каѳедру. При избраніи епископа обращается главное вниманіе на наружныя свойства — широкую окладистую бороду (Stattlichen Bart), высокій ростъ (hohe Statur), внушительный видъ (imposante Erscheinung). Онъ знаетъ только двѣ главныхъ обязанности: безусловное повиновеніе волѣ императора и заботливое соблюденіе пышности и помпы при совершеніи богослуженія. Бѣлое духовенство совершенно невѣжественно, едва обучено только одному чтенію и пѣнію и предано національному пороку— пьянству; епископы смотрятъ на духовныхъ, какъ на рабовъ», и т. д. въ этомъ родѣ.—(См. стр. 370 и дал.).

Если принять во вниманіе все вышесказанное, то сдѣлается понятнымъ, какъ много побужденій для западныхъ ученыхъ, отбросивъ вѣковые предразсудки и предубѣжденія противъ православной церкви, обратиться къ изученію ея по подлиннымъ источникамъ.

Этотъ трудъ взялъ на себя въ послѣднее время авторъ сочиненія, заглавіе котораго мы выписали въ началѣ нашей статьи. По собственнымъ словамъ, авторъ посвятилъ чрезвычайно много времени на изученіе своего предмета, изучилъ всѣ лучшія, разумѣется, на доступныхъ для него языкахъ, изслѣдованія по своему предмету, и, не смотря на свой протестантскій образъ мыслей, отнесся съ полнымъ уваженіемъ къ вѣроученію православной церкви. Книга Гасса не есть изслѣдованіе вполнѣ самостоятельное, основанное на непосредственномъ изученіи источниковъ. Онъ

самъ говоритъ въ предисловіи, что имѣлъ въ виду познакомить западно-европейскую публику съ мало извѣстнымъ для нея предметомъ по доступнымъ для себя источникамъ, хотя изъ сборниковъ и изслѣдованій, цитируемыхъ въ его книгѣ, нельзя не видѣть обширной эрудиціи автора. Книга Гасса не свободна отъ предзанятости въ воззрѣніи на разныя стороны православнаго ученія и отъ значительныхъ по мѣстамъ промаховъ; пособія избраны имъ не всегда удачно. Встрѣчаются и многіе другіе недостатки, вполнѣ впрочемъ извинительные въ трудѣ иностранца. Но достоинства книги во всякомъ случаѣ превышаютъ ея недостатки и дѣлаютъ ее интересною не только для западно-европейской публики, но далеко нелишнею и для русскихъ богослововъ.

Подъ именемъ «Символики» у западныхъ богослововъ-систематиковъ разумѣется наука, занимающаяся сравнительнымъ историко-критическимъ изученіемъ христіанскихъ исповѣданій на основаніи признаваемыхъ ими символовъ. Какъ наука, вошедшая въ составъ богословскихъ наукъ относительно въ недавнее время, она не успѣла еще обнять матеріала, подлежащаго ея научной разработкѣ, во всей полнотѣ. Особенно, какъ и естественно было ожидать, нѣмецкіе авторы «символикъ» мало обращали вниманія до послѣдняго времени на исповѣданіе греко-восточной церкви. Труды по этому предмету Винера, Марейнике, Миллера, Газе и другихъ, удѣляютъ по нѣсколько страницъ православному исповѣданію, большею частію смѣшивая православіе съ католичествомъ въ такихъ пунктахъ, въ которыхъ оба исповѣданія расходятся на довольно значительное разстояніе другъ отъ друга.

Къ сочиненію Гасса нельзя поэтому не отнестись, съ полнымъ сочувствіемъ, потому что каждое новое пріобрѣтеніе для западной науки въ области изученія нашей церкви послужитъ къ болѣе справедливой оцѣнкѣ ея на западѣ; трудъ же автора, по полнотѣ изслѣдованія и по обстоятельности знакомства съ дѣломъ, во всякомъ случаѣ, превосходитъ все, что доселѣ писано было нѣмецкими учеными объ исповѣданіи православной церкви. Сочиненію предпосылается довольно пространное введеніе, содержащее общій очеркъ исторіи восточной церкви и ея отношенія къ латинской. Самое сочиненіе распадается на двѣ неравныя по объему части. Первая часть посвящена обозрѣнію источниковъ и литературы предмета (стр. 33 — 92), вторая—разсмотрѣнію самой системы вѣроученія грековосточной церкви (93—391 стр.). Къ послѣдней части присоединяется довольно обширное приложеніе (391—443 стр.), въ которомъ авторъ представляетъ сводъ главнѣйшихъ добытыхъ имъ результатовъ и занимается характеристикою восточныхъ сектъ. Къ каждому отдѣльному параграфу въ сочиненіи прилагаются подробныя объясненія, напечатанныя болѣе мелкимъ шрифтомъ сравнительно съ текстомъ. Въ этихъ объясненіяхъ авторъ часто касается исторіи и литературы разсматриваемыхъ имъ вопросовъ. По всѣмъ этимъ особенностямъ трудъ автора успѣлъ обратить на себя вниманіе въ нѣмецкой, какъ протестантской, такъ и католической богословской литературѣ (1). Предоставляя себѣ до другаго времени поговорить подробнѣе и обстоятельнѣе о значеніи этого труда, въ настоящій

(1) См. Protestantische Kirchenzeitung № 1—3, 1873 г. Ср. Literarische Centralblat № 27, 1873 и др.

разъ мы считаемъ не лишнимъ познакомить нашихъ читателей съ замѣчательною и по многимъ отношеніямъ заслуживающею вниманія рецензіею на «Символику» Гасса профессора Лянгена, напечатанною на дняхъ въ боннскомъ литературно-богословскомъ обозрѣніи (1), издаваемомъ профессоромъ Рейшемъ. При этомъ мы будемъ имѣть возможность сличить мнѣнія двухъ компетентнѣйшихъ представителей протестантской и старокатолической литературы о разныхъ пунктахъ православнаго вѣроученія.

Нельзя не отнестись съ полною признательностью къ профессору Лянгену за исправленіе нѣкоторыхъ неточностей, вкравшихся въ «Символику» Гасса, а равно и ошибочныхъ взглядовъ автора на нѣкоторыя стороны православнаго ученія. Для насъ тѣмъ болѣе имѣютъ интересъ критическія замѣчанія Лянгена на книгу Гасса, что въ нихъ высказываются сужденія о нашей церкви лица, стоящаго въ настоящее время во главѣ коммиссіи, назначенной старокатоликами для сношеній съ нашею церковью по вопросу о единеніи, — и по нимъ можно судить о степени его научной компетентности для принятой на себя высокой миссіи. Соглашаясь съ мнѣніемъ Гасса, что православная церковь не имѣетъ символическихъ книгъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ это названіе усвояется позднѣйшимъ изложеніямъ вѣроученія въ западныхъ исповѣданіяхъ, профессоръ Лянгенъ признаетъ и то, что для восточной церкви въ строгомъ смыслѣ символическое значеніе имѣютъ только догматическія вѣроопредѣленія семи вселенскихъ соборовъ, прочія же изложенія вѣры, являвшіяся впослѣдствіи, получали свое достоинство

(1) «Theologisches Literaturblatt» № 6. 1874 г.

только отъ согласія съ первыми, не имѣя по степени авторитетности и тѣни сходства съ тѣмъ, что обыкновенно называется символами вѣры. «Вѣроизложенія особенно уважаемыхъ въ православной церкви богослововъ, равно какъ и нѣкоторыя синодальныя изданія, по справедливому замѣчанію Лянгена, цѣнятся въ восточной церкви только потому, что въ нихъ можно находить подлинное, наиболѣе точное выраженіе православнаго ученія. Будучи вызваны потребностію охраненія православнаго ученія въ его подлинномъ видѣ, по поводу соприкосновенія православной церкви съ латинскимъ міромъ и протестантствомъ, эти вѣроизложенія, конечно, признаются въ восточной церкви образцовыми, но имъ отнюдь не приписывается непогрѣшительнаго, и тѣмъ болѣе божественнаго авторитета, какъ человѣческимъ произведеніямъ; съ ними не соединяются понятія о неизмѣнныхъ нормахъ вѣры, потому что этими нормами въ восточной церкви считаются единственно вѣроопредѣленія упомянутыхъ вселенскихъ соборовъ, вообще опредѣленія касательно вѣры, принятыя всею вселенскою церковью». Лянгенъ не безъ основанія поэтому указываетъ на нѣкоторую неточность заглавія, даннаго Гассомъ своему сочиненію, и находитъ это заглавіе не вполнѣ соотвѣтствующимъ содержанію сочиненія. «Если бы авторъ, замѣчаетъ Лянгенъ, довольствовался въ своемъ сочиненіи пользованіемъ только такихъ источниковъ при изложеніи православнаго ученія, которые имѣютъ въ восточной церкви неоспоримо символическое значеніе; тогда онъ съ полнымъ правомъ могъ бы назвать свою книгу символикою греческой церкви. Но такъ какъ въ его изложеніи православ-

наго ученія дано довольно обширное мѣсто частнымъ мнѣніямъ отдѣльныхъ православныхъ богослововъ по разнымъ богословскимъ вопросамъ, то сочиненіе его является чѣмъ-то среднимъ между символикою и исторіею православнаго богословія». Еще съ бо́льшимъ правомъ Лянгенъ указываетъ на недостатокъ надлежащаго разграниченія въ трудѣ автора между вѣроизложеніями частныхъ іерарховъ восточной церкви и изложеніями вѣры, изданными съ одобренія и отъ лица всей восточной церкви. Правда, въ символикѣ Гасса сдѣлано нѣсколько замѣчаній о необходимости обращать вниманіе, при разсмотрѣніи перваго рода вѣроизложеній на ихъ особенное положеніе и значеніе въ восточной церкви, на историческія обстоятельства, при которыхъ они явились, и проч. Такъ, напримѣръ, объ извѣстномъ «Исповѣданіи православной вѣры» Геннадія, патріарха константинопольскаго, авторъ замѣчаетъ, что хотя оно и имѣетъ свою относительную важность, однакоже имъ нельзя пользоваться безъ вниманія къ тому обстоятельству, что оно написано вскорѣ послѣ завоеванія турками Константинополя, что въ немъ поэтому православное ученіе излагается такъ, чтобы оно могло быть понято султаномъ и получить государственное покровительство въ турецкой имперіи. При оцѣнкѣ «посланія» патріарха Іереміи авторъ совѣтуетъ имѣть въ виду, что оно написано было въ отвѣтъ протестантскимъ тюбингенскимъ богословамъ по поводу ихъ дружескаго предложенія восточнымъ іерархамъ вступить въ переговоры о единеніи, при чемъ естественно выставлялись на видъ болѣе тѣ пункты, которые общи обоимъ исповѣданіямъ. «Исповѣданіе православной вѣры» Митрофана

Критопула, получившаго образованіе въ протестантскихъ высшихъ школахъ въ Германіи, хотя и бывшаго впослѣдствіи патріархомъ александрійскимъ, авторъ прямо называетъ частнымъ сочиненіемъ грека, гостепріимно *принятаго профессорами* гельмштадтскаго университета и изложившаго *по просьбѣ* своихъ протестантскихъ друзей ученіе своей церкви съ цѣлію произвести на нихъ возможно болѣе благопріятное впечатлѣніе, вслѣдствіе чего его изложеніе оказалось въ нѣкоторыхъ пунктахъ не чуждымъ значительныхъ погрѣшностей противъ строго православнаго воззрѣнія, какъ, напримѣръ, въ ученіи о таинствахъ. Къ подобной же категоріи частныхъ сочиненій авторъ относитъи «Исповѣданіе», извѣстное подъ именемъ Кирилла Лукариса, патріарха цареградскаго, проникнутое совершенно неправославнымъ, кальвинскимъ духомъ. Но, независимо отъ всего этого, авторъ постоянно обращаетъ вниманіе на это послѣднее исповѣданіе при изложеніи православнаго ученія и оправдываетъ свой пріемъ тѣмъ, что если это исповѣданіе и не можетъ считаться выраженіемъ вѣры всей восточной церкви, то для характеристики воззрѣній *извѣстной части* православнаго общества, или *извѣстнаго богословскаго направленія* въ восточной церкви, оно имѣетъ полное значеніе. Подобное же значеніе онъ усвояетъ «Исповѣданію» Митрофана Критопула, когда характеризуетъ православное воззрѣніе на таинства. Противъ подобныхъ ссылокъ автора проф. Лангенъ дѣлаетъ весьма справедливое замѣчаніе, что онѣ мало умѣстны собственно въ символикѣ, имѣющей въ виду представить подлинное ученіе церкви, и обращаетъ вниманіе автора на примѣчаніе, высказан-

ное во «Введеніи въ православное богословіе» высокопреосвященнаго Макарія (1), относительно подлиннаго значенія разныхъ цитируемыхъ имъ «исповѣданій». «Для насъ, пишетъ, между прочимъ, Лянгенъ, должны имѣть въ данномъ случаѣ руководящее значеніе сужденія наиболѣе компетентныхъ русскихъ богослововъ о тѣхъ или другихъ источникахъ православнаго ученія. Но вотъ что говоритъ относительно этого предмета преосвященный Макарій: «надобно помнить, что символическою книгою какой либо церкви можно назвать только изложеніе вѣры, изданное отъ лица всей церкви, а отнюдь не исповѣданіе какого либо частнаго вѣрующаго, или даже іерарха, какъ бы онъ знаменитъ ни былъ. А потому ошибаются иностранные богословы, когда къ символическимъ книгамъ восточной церкви относятъ, напримѣръ, «Исповѣданіе православной вѣры» Геннадія, константинопольскаго патріарха,—болѣе обстоятельное, но не чуждое нѣкоторыхъ погрѣшностей въ ученіи о таинствахъ,—«Исповѣданіе православной вѣры»—Митрофана Критопула и совершенно кальвинское «Исповѣданіе вѣры», извѣстное подъ именемъ Кирилла Лукариса, но вовсе ему не принадлежащее». Одобряя вполнѣ сравнительный методъ автора, какъ наиболѣе отвѣчающій задачѣ его сочиненія, Лянгенъ не сочувствуетъ тому, что, при сопоставленіи православнаго вѣроученія съ католическимъ и протестантскимъ, авторъ нерѣдко уклоняется отъ своей прямой задачи, вдается въ неотносящіяся прямо къ дѣлу разсужденія, а также въ полемико-апологетическія пренія, нарушающія по мѣстамъ объективное и безпристрастное изложеніе и уясненіе

(1) «Introduction à la theologie orthodoxe». Paris 1857, p. 609.

православнаго ученія. Впрочемъ справедливость требуетъ признать, что этотъ недостатокъ не такъ рѣзко выдается въ трудѣ автора, сравнительно съ другими подобными сочиненіями западныхъ богослововъ, и, говоря относительно, не бросается въ глаза своею намѣренною предзанятостію и намѣреннымъ искаженіемъ источниковъ православнаго ученія. Скорѣе можно упрекнуть автора въ недостаточно всестороннемъ изученіи этихъ источниковъ. Такъ, напримѣръ, излагая на 98-й страницѣ своей «Символики» ученіе православной церкви о ветхозавѣтномъ канонѣ, авторъ выражается съ нѣкоторою неопредѣленностью относительно воззрѣнія православной церкви на неканоническія книги (deutera kanonischen Bücher) ветхаго завѣта и безъ достаточныхъ основаній утверждаетъ, что въ самыхъ вѣроисповѣдныхъ изложеніяхъ православной церкви замѣчается колеблющееся обоюдное отношеніе къ этимъ книгамъ, не уясняется съ достаточною отчетливостью ихъ значеніе по сравненію съ прочими каноническими книгами священнаго писанія, и проч. На этотъ разъ Лянгенъ съ бо́льшею основательностію утверждаетъ, что изъ тщательнаго сличенія и сопоставленія источниковъ православнаго вѣроученія можно вывесть совершенно опредѣленное заключеніе о взглядѣ православной церкви на неканоническія книги и ихъ значеніе. Что книги эти не считаются въ православной церкви равными по своему достоинству съ каноническими книгами, хотя и высоко уважаются, какъ книги добрыя, назидательныя и полезныя, въ доказательство этого Лянгенъ приводитъ нѣсколько мѣстъ изъ трактата, помѣщеннаго во «Введеніи» преосвященнаго Макарія о неканоническихъ книгахъ

священнаго писанія (1), изъ катихизиса преосвященнаго Филарета московскаго, изданнаго съ одобренія Святѣйшаго Синода въ 1839 году, и изъ другихъ источниковъ. Съ неменьшею основательностію Лянгенъ исправляетъ совершенно ошибочное мнѣніе Гасса о томъ, будто въ православномъ богословіи всегда оставлялись и оставляются безъ всякаго вниманія мнѣнія латинскихъ отцевъ (2) о предметахъ вѣры. «Конечно, говоритъ по этому поводу Лянгенъ, греческіе отцы пользовались и пользуются въ православномъ богословіи преимущественною извѣстностію, сравнительно съ западными; но такіе изъ латинскихъ писателей, какъ напримѣръ Августинъ, такъ же хорошо извѣстны православнымъ богословамъ, какъ и восточные отцы». За всѣмъ тѣмъ нельзя не указать и на такія замѣчанія въ рецензіи Лянгена на «Символику» Гасса, гдѣ справедливость остается больше на сторонѣ автора, нежели его критика. Излагая ученіе православной церкви объ исхожденіи Св. Духа (стр. 130), Гассъ называетъ, между прочимъ, отрицаніе Filioque въ православной догматикѣ не какимъ нибудь случайнымъ дѣломъ, всплывшимъ наружу только вслѣдствіе борьбы съ западною церковью, но особенностію, имѣющею основаніе въ исконномъ, никогда не прерывавшемся преданіи восточной церкви, и, хотя самъ авторъ находитъ, *съ точки зрѣнія отвлеченно-философскаго мышленія*, больше кажущейся ему справедливости на сторонѣ западнаго, нежели восточнаго православнаго ученія объ этомъ предметѣ, тѣмъ не менѣе онъ не отказываетъ православному ученію въ авторитетѣ большей древ-

(1) Стр. 412, 480, 489 по французскому переводу.

(2) См. стр. 113 «Символики».

ности сравнительно съ латинскимъ ученіемъ. По поводу этого Лянгенъ замѣчаетъ слѣдующее: «противъ ученія объ исхожденіи Святаго Духа и отъ Сына (Filioque) изъ древнихъ греческихъ писателей прямо полемизировали собственно только блаженный Ѳеодоритъ и Ѳеодоръ Мопсуестскій, между тѣмъ какъ нѣкоторые другіе изъ греческихъ отцовъ, напримѣръ Кириллъ Александрійскій и даже самъ Іоаннъ Дамаскинъ, допускали посредство Сына не только въ сообщеніи Святаго Духа людямъ, какъ думаетъ Гассъ, но и въ исхожденіи Духа отъ Отца. По крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ латинскихъ манускриптахъ сочиненія Дамаскина «о православной вѣрѣ» (De fide orthodoxa, 1, 12) Духъ Святый называется «Духомъ Сына» не въ томъ смыслѣ, будто бы Онъ получилъ свое бытіе отъ Сына, но въ томъ, что Онъ исходитъ отъ Отца чрезъ Сына». Оставляя въ сторонѣ спорный вопросъ о подлинности и неповрежденности тѣхъ манускриптовъ сочиненія св. Іоанна Дамаскина, о которыхъ говоритъ Лянгенъ, равно какъ и объ умѣстности пользованія однимъ отрывочнымъ изреченіемъ отца церкви для характеристики его взгляда на вопросъ, нельзя не замѣтить, что въ цитируемомъ имъ мѣстѣ изъ Дамаскина отнюдь не содержится ни прямаго, ни косвеннаго указанія на «предвѣчное» исхожденіе Святаго Духа. Что же касается выраженія «отъ Отца чрезъ Сына», которое встрѣчается не у одного Дамаскина, но и у нѣкоторыхъ другихъ древнихъ отцовъ церкви, то православный смыслъ этого выраженія достаточно объясненъ въ трактатѣ преосвященнаго Макарія объ исхожденіи Св. Духа, помѣщенномъ въ «Догматическомъ богословіи», по видимому не безъизвѣстномъ Лянгену.

При томъ же, для опроверженія мнѣнія Гасса объ исконномъ вѣрованіи восточной церкви относительно исхожденія Святаго Духа отъ Отца и о непрерывномъ преданіи касательно этого вѣрованія, сохранившемся въ неповрежденной цѣлости въ восточной церкви чрезъ всѣ вѣка, во всякомъ случаѣ, повторяемъ, недостаточно одной ссылки на отдѣльное и притомъ ничего не доказывающее мѣсто изъ творенія св. Іоанна Дамаскина. Въ остальной части своей рецензіи Лянгенъ занимается главнымъ образомъ критическимъ разборомъ сужденій Гасса объ отношеніи разныхъ пунктовъ православнаго ученія къ римско-католическому и протестантскому. Останавливаясь на мнѣніи автора о догматическомъ различіи въ ученіи православной и латинской церкви касательно слѣдствій таинства крещенія, Лянгенъ считаетъ это различіе плодомъ недоразумѣнія автора, въ дѣйствительности же вовсе несуществующимъ. Дѣло въ томъ, что, по представленію Гасса (стр. 240), православнымъ ученіемъ о возстановленіи въ человѣкѣ первоначальной чистоты и невинности чрезъ таинство крещенія не допускается будто бы въ крещенномъ никакого остатка наклонности ко грѣху (Concupiscenz), между тѣмъ какъ по ученію римско-католической церкви эта наклонность отнюдь не изглаждается въ человѣкѣ таинствомъ крещенія. Лянгенъ не находитъ, чтобы ученіемъ православной церкви о возстановленіи въ человѣкѣ чрезъ таинство крещенія первоначальной чистоты исключалось ученіе объ остаткѣ въ крещенномъ человѣкѣ наклонности къ грѣху въ смыслѣ потенціальной способности къ злу, имѣющей основаніе въ нравственномъ поврежденіи свободной воли человѣка; поэтому разность въ этомъ пунктѣ между уче-

ніемъ православной и католической церкви справедливо считаетъ искусственно созданною авторомъ. Относительно ученія православной церкви о таинствѣ евхаристіи, у Гасса на стр. 265-й между прочимъ замѣчено, что въ этомъ пунктѣ православное ученіе больше соприкасается съ протестантскимъ, нежели съ католическимъ. Лянгенъ не безъ основанія выражаетъ удивленіе, какимъ образомъ авторъ могъ придти къ такому мнѣнію. Главную точку опоры для своего мнѣнія Гассъ находитъ въ томъ, что какъ по православному, такъ и по лютеранскому ученію, тѣло и кровь Христа въ таинствѣ евхаристіи одинаково принимаются какъ достойными, такъ и недостойными, чрезъ устное вкушеніе; въ этомъ именно пунктѣ, по его мнѣнію, православное ученіе, если не сливается, то весьма близко соприкасается съ лютеранскимъ. Но все соприкосновеніе въ данномъ случаѣ, по справедливому замѣчанію Лянгена, сводится къ тому, что въ этомъ пунктѣ лютеранское ученіе не уклоняется отъ православнаго и согласнаго съ нимъ католическаго ученія. Уклоненіе же православной церкви въ ученіи объ евхаристіи отъ *древней* западной въ пользу лютеранства ни въ одномъ пунктѣ не можетъ быть указано. Столь же пристрастнымъ Лянгенъ находитъ мнѣніе автора «Символики» о непримиримой противоположности между православнымъ и римско-католическимъ воззрѣніемъ на священство (279) и о сравнительно бо́льшей близости православнаго ученія въ этомъ пунктѣ опять къ протестантскому, нежели къ католическому воззрѣнію. Мнѣніе это, на взглядъ Лянгена, справедливо развѣ въ томъ только отношеніи, что юридическій элементъ, необходимый въ каждой организованной формѣ цер-

ковнаго управленія и устройства, въ западной католической церкви, соотвѣтственно римскому духу, выразился въ гораздо болѣе рѣзкой формѣ, нежели въ восточной, хотя этотъ элементъ отнюдь не чуждъ и восточной церкви, въ частности—ея іерархическому устройству. Что же касается высокаго религіознаго представленія объ іерархіи, какъ о священномъ званіи и посредствующемъ органѣ сообщенія божественной благодати вѣрующимъ, то это представленіе въ восточной церкви такъ же, какъ и въ западно-католической, никогда не отстранялось на задній планъ. По поводу замѣчаній Гасса о неясности и неопредѣленности православнаго ученія о сакраментальномъ значеніи брака и попытки автора открыть ближайшее сходство также и въ этомъ пунктѣ православной догматики съ протестантскимъ воззрѣніемъ (290 — 291), Лянгенъ указываетъ на совершенно ясное и опредѣленное выраженіе православнаго воззрѣнія на бракъ, какъ на таинство, въ томъ, что благодатное освященіе въ таинствѣ брака прямо и опредѣленно поставляется въ православной церкви въ неразрывную связь и безусловную зависимость отъ священническаго благословенія брачущихся. Указываемые Гассомъ примѣры изъ практики восточной церкви, причемъ церковною властью дозволялось вступленіе нѣкоторымъ лицамъ въ четвертый бракъ, Лянгенъ называетъ нисколько не доказывающими основной мысли автора, что западная католическая церковь будто бы строже восточной смотритъ на сакраментальное значеніе брака; такъ какъ подобные примѣры, вопреки голословному утвержденію автора о ихъ неслыханности въ римской церкви, на самомъ дѣлѣ не разъ случались и на Западѣ, даже сравнительно еще

чаще, чѣмъ на Востокѣ. Выставляемое на видъ авторомъ «Символики» различіе въ ученіи латинской и православной церкви касательно загробной жизни—Лингенъ признаетъ также не чуждымъ нѣкотораго преувеличенія. «Ученіе западной католической церкви о чистилищѣ, по словамъ Лингена, составляетъ безспорно особенность римской догматики и еще болѣе—западной церковной практики, но когда авторъ утверждаетъ (343), что вообще въ представленіи о вліяніи безкровной жертвы и молитвы на судьбу умершихъ высказывается спеціальный духъ средневѣковаго романскаго католицизма, совершенно чуждый будтобы древней церкви, то онъ по видимому забываетъ, что уже св. Кипріанъ упоминаетъ о принесеніи безкровной жертвы за умершихъ въ таинствѣ евхаристіи, и что восточная церковь въ этомъ пунктѣ, какъ въ отношеніи къ ученію, такъ—и къ практикѣ, въ главномъ и существенномъ, стоитъ на одной общей почвѣ съ западною церковью, т. е. на почвѣ древне-церковнаго воззрѣнія». Вообще въ «Символикѣ» Гасса замѣчается весьма важный недостатокъ въ томъ отношеніи, что авторъ, стараясь о сближеніи и примиреніи отдѣльныхъ пунктовъ православнаго ученія съ протестантствомъ, не всегда обращаетъ должное вниманіе на коренныя и существенныя отличія православія отъ протестантства. Этимъ объясняется и то, что въ большей части отдѣльныхъ пунктовъ онъ усматриваетъ больше сходства между православіемъ и протестантствомъ, нежели между католичествомъ и православіемъ. Съ другой стороны этому существенно помогаютъ ссылки автора на такія изложенія православной вѣры, какъ изложеніе Митрофана Критопула, лже-Кирил-

ла Лукариса и т. под. Авторъ не задумался даже выставить на видъ въ своей «Символикѣ» (стр. 400), будтобы въ ученіи о свободѣ, о предваряющей благодати и объ отношеніи благодати къ свободѣ, православная церковь прямо приближается къ лютеранскому воззрѣнію, между тѣмъ какъ самъ же нѣсколько раньше утверждаетъ, что ученіе о предопредѣленіи (детерминизмъ) оставалось постоянно чуждымъ православной церкви. Къ этому Лингенъ прибавляетъ совершенно справедливое замѣчаніе, что на самомъ дѣлѣ православная церковь всегда оставалась чуждою не только лютеранскаго воззрѣнія на отношеніе благодати къ свободѣ, но и никогда не склонялась на сторону менѣе крайняго ученія Августина и теоріи Ѳомы Аквината. Нельзя не обратить вниманія еще на одинъ недостатокъ въ «Символикѣ» Гасса. Останавливаясь съ обстоятельностію и подробностію на такихъ пунктахъ православнаго ученія, какъ напримѣръ догматъ объ иконопочитаніи, авторъ ставитъ какбы въ тѣни ученіе православной церкви о значеніи исповѣди въ таинствѣ покаянія и едва касается православнаго воззрѣнія на значеніе добрыхъ дѣлъ, такъ что читатель врядъ-ли изъ книги автора въ состояніи вынесть опредѣленное представленіе о томъ, смотритъ ли православная церковь на добрыя дѣла по-католически, какъ на удовлетвореніе правды Божіей за грѣхи, или какъ только на средства къ нравственному улучшенію людей. Въ заключеніе авторъ упоминаетъ (409) о вновь пробудившихся въ восточной церкви, вслѣдствіе реформаторскаго движенія въ средѣ католиковъ по поводу постановленій послѣдняго ватиканскаго собора, надеждахъ на соединеніе съ католическою церковію, очищенною

отъ примѣси позднѣйшихъ догматическихъ прибавленій. Относясь съ полнымъ сочувствіемъ къ стремленіямъ старокатоликовъ къ сближенію съ православною церковью, заявленнымъ въ программѣ мюнхенскаго старокатолическаго конгресса, авторъ однако съ своей стороны полагаетъ, что въ главномъ вопросѣ, касающемся церковнаго управленія и устройства, между старокатоликами и православными существуетъ пока глубокое различіе, состоящее въ томъ, что православные признаютъ за римскимъ престоломъ только исторически пріобрѣтенное первенство чести, и притомъ давно уже потерянное, между тѣмъ какъ старокатолики смотрятъ на римское примatство, какъ на необходимое звѣно въ церковномъ устройствѣ, и основаніе примatства въ церкви приписываютъ самому Іисусу Христу, указывая на выдающееся положеніе апостола Петра въ средѣ апостоловъ, какъ на подтвержденіе своей теоріи о примatствѣ. По поводу этого замѣчанія Лянгенъ пишетъ слѣдующее: «такъ какъ даже между куріалистами богословами были отдѣльныя личности, которыя высказывали мнѣніе, что апостольскій престолъ, по рѣшенію церковнаго законодательства, можетъ быть перенесенъ изъ Рима въ какой нибудь другой городъ, то, при нашихъ сношеніяхъ съ православными по вопросу о единеніи, скорѣе можетъ имѣть значеніе другой вопросъ: слѣдуетъ ли церковное управленіе представлять коллегіальнымъ, но съ однимъ предсѣдателемъ епископской коллегіи во главѣ, или же право предсѣдательства должно находиться въ рукахъ многихъ лицъ, напримѣръ—патріарховъ, не связанныхъ другъ съ другомъ высшимъ единствомъ въ лицѣ одного высшаго пред-

ставителя своихъ правъ, — другими словами, приматство апостола Петра, предоставленное ему безъ нарушенія существеннаго равенства съ нимъ прочихъ апостоловъ, какъ первенство чести (primus inter pares), было ли наслѣдовано однимъ между епископами, или же многими епископами-патріархами, которыхъ древняя греческая церковь всѣхъ вообще представляла преемниками апостола Петра, потому что, по древнему преданію, апостолъ Петръ былъ предстоятелемъ церкви какъ въ Римѣ, такъ и въ Антіохіи, и, чрезъ посредство Марка, въ Александріи. Какъ съ теоретической, такъ и съ административно-практической точки зрѣнія. первая форма церковнаго управленія намъ кажется заслуживающею предпочтенія. Преемство Петра въ этомъ случаѣ отнюдь не привязывается къ одному мѣсту; оно поставляется въ первенствѣ между равными, которымъ долженъ быть облеченъ одинъ какой нибудь епископъ, какъ этого хотятъ представители строго епископальной системы, напримѣръ Николай Куза». Изъ этихъ словъ Лянгена видно, что мнѣніе Гасса о трудности соглашенія между нами и старокатоликами по вопросу о церковномъ управленіи не лишено основанія. У старокатоликовъ понятіе о приматствѣ, конечно, значительно является смягченнымъ и въ нѣкоторыхъ пунктахъ даже существенно видоизмѣненнымъ сравнительно съ обычнымъ римско-католическимъ воззрѣніемъ на видимое главенство; но принципъ соборнаго управленія въ церкви, независимаго отъ сосредоточенія его въ однихъ рукахъ, очевидно, еще не успѣлъ войдти въ ихъ сознаніе, такъ что и восточные патріархи имъ представляются не иначе, какъ главами и средоточіями церквей—съ не-

избѣжнымъ наслѣдіемъ своихъ верховныхъ правъ отъ апостола Петра. Въ подобномъ же духѣ высказался недавно объ этомъ предметѣ профессоръ Михелисъ въ «Германскомъ Меркуріѣ» (№ 11-й, 1874 г.). По его мнѣнію, главный и въ нѣкоторомъ родѣ единственный пунктъ существеннаго различія между обѣими сторонами заключается только въ воззрѣніи на такъ называемое приматство. Въ остальномъ же «фактически существуетъ» единство старокатоличества съ православною церковію, такъ какъ обѣими сторонами удерживается не только апостольское преемство и священство, но также вѣрованіе въ истинное присутствіе Христа въ евхаристіи и въ жертвенное значеніе таинства тѣла и крови Христа Спасителя. Нѣтъ надобности указывать, что приводимыми Михелисомъ пунктами далеко не исчерпывается все содержаніе въ ученіи старокатоликовъ и православной церкви; поэтому и его мнѣніе о фактическомъ единствѣ между старокатоличествомъ и православіемъ во всѣхъ существенныхъ пунктахъ, за исключеніемъ ученія о приматствѣ, требуетъ во всякомъ случаѣ подтвержденія. Но независимо отъ этого, его взглядъ на приматство и на условія соглашенія по этому пункту между старокатоликами и православными не чуждъ нѣкоторой своеобразной оригинальности сравнительно съ мнѣніемъ Лянгена объ этомъ предметѣ. Михелисъ не соглашается съ воззрѣніемъ на приматство какъ на первенство чести какого нибудь епископа. По его мнѣнію, это совершенно неправильная дилемма, что приматство можетъ быть понимаемо — или въ смыслѣ видимаго главенства въ церкви римскаго первосвященника, или въ смыслѣ только первенства чести, предоставленнаго

въ древней церкви римскому епископу. «Мы (старокатолики), пишетъ авторъ, не усвояемъ римскому епископу ни главенства въ церкви, при чемъ, въ силу логической необходимости, требовалось бы признать за нимъ и непогрѣшимость, ни первенства чести между другими равными епископами, потому что Іисусу Христу совершенно въ одинаковой степени не принадлежитъ установленіе ни главенства, ни первенства чести. Послѣднее въ извѣстномъ отношеніи даже еще меньше могло быть дѣломъ божественнаго установленія, нежели первое, такъ какъ съ представленіемъ о видимомъ главенствѣ все же соединима мысль о какомъ-то серьезномъ значеніи, между тѣмъ какъ понятіе о первенствѣ чести сводится просто къ понятію о суетности и человѣческомъ самолюбіи, по крайней мѣрѣ—въ обычномъ словоупотребленіи. Поэтому ни папѣ, ни какому либо вообще другому епископу, не должно быть приписываемо «первенство чести» въ смыслѣ какого либо особеннаго достоинства; въ противномъ случаѣ было бы неизбѣжно узаконеніе суетности и честолюбія въ средѣ іерарховъ. Намъ очень хорошо извѣстно основаніе, по которому этотъ титулъ предоставленъ въ древней церкви римскому епископу, равно какъ и то, что основаніе это имѣетъ историческое, и слѣдовательно преходящее, а отнюдь не догматическое значеніе. Мы же хотимъ держаться въ области божественныхъ, Христовыхъ установленій относительно Его св. Церкви, и нашъ взглядъ на примatство поэтому существенно расходится съ понятіемъ какъ о главенствѣ, такъ и о первенствѣ чести. Христосъ основалъ Церковь Свою, какъ нѣчто органическое, какъ живое тѣло, какъ организацію чело-

вѣчества; соотвѣтственно этой идеѣ Христовой Церкви приматство должно быть понимаемо не иначе, какъ въ смыслѣ органическаго пункта единства церкви». Что установленіе приматства въ этомъ именно смыслѣ принадлежитъ самому Іисусу Христу, эту мысль авторъ думаетъ подтвердить ссылкою на извѣстныя слова Іисуса Христа апостолу Петру, не приводя впрочемъ, подобно Лянгену, никакихъ основаній для своего католическаго толкованія этихъ словъ. Авторъ признаетъ также за историческій фактъ, что приматство, вслѣдствіе временныхъ историческихъ обстоятельствъ и гражданскаго значенія Рима, какъ «царствующаго града», сосредоточивалось въ древней церкви въ лицѣ римскихъ епископовъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ доказываетъ, что римское приматство парализовано и уничтожено еретическимъ догматизированіемъ папальной системы въ римской церкви, вслѣдствіе чего въ настоящее время истинные католики сдѣлались свободными отъ тяготѣнія къ когда-то бывшему пункту церковнаго единства. Поэтому ему кажется, что разность въ воззрѣніи на приматство не послужитъ непреодолимымъ препятствіемъ на пути къ соединенію старокатоликовъ съ православною церковью, хотя онъ и считаетъ эту разность самою важною, представляющею наибольшее количество затрудненій для взаимнаго соглашенія. «Позволительно думать, по мнѣнію Михелиса, что вся восточная церковь признаетъ необходимость внѣшняго средоточія церковнаго единства, въ той по крайней мѣрѣ степени, насколько ею признается (?) такимъ средоточіемъ патріархатъ константинопольскій, или престолъ «новаго Рима». «При этомъ условіи, продолжаетъ авторъ, между нами и православными раз-

сужденія по вопросу о приматствѣ могутъ касаться только внѣшнихъ вопросовъ; потому что въ главномъ и существенномъ мы сойдемся, именно въ томъ, что въ приматствѣ должно выражаться только чисто церковное представительство органическаго единства церкви, гарантированное при томъ отъ всевозможныхъ злоупотребленій и искаженій. *Для насъ приматство отнюдь не привязано къ Риму*, и собственно — римское приматство *отнюдь не имѣетъ въ нашихъ глазахъ никакою догматическаго значенія*. Если поэтому и нельзя пока еще предусмотрѣть, какъ сложатся ближайшія обстоятельства и гдѣ положено будетъ новое средоточіе церковнаго единства, послѣ отпаденія Рима, то во всякомъ случаѣ идея приматства не должна, по видимому, послужить помѣхою для нашего сближенія съ православными. Если будетъ признано, что приматство коренится въ органическомъ характерѣ церковнаго устройства, или, лучше сказать, въ идеѣ самой церкви, какъ учрежденія вышенаціональнаго, общечеловѣческаго, универсальнаго; тогда само собою должно пасть затрудненіе, должны ли мы понимать приматство въ смыслѣ главенства, или только первенства чести, а вмѣстѣ съ тѣмъ устранится и тотъ вопросъ, имѣетъ ли приматство непосредственно божественное, или только историческое происхожденіе. Вообще же слѣдуетъ больше всего заботиться о томъ, чтобы устранять, по возможности, излишніе вопросы, гдѣ дѣло идетъ о достиженіи единенія, или о примиреніи несущественно различныхъ воззрѣній». Все это такъ; но, за всѣмъ тѣмъ, нельзя не признать, что автору самому не совсѣмъ ясно, по видимому, представляется желаемое имъ внѣшнее средоточіе церковнаго един-

ства; по крайней мѣрѣ, изъ его словъ не видно, разумѣетъ ли онъ подъ этимъ средоточіемъ то, что иначе называется централизаціею, совмѣщеніемъ всей полноты церковно-правительственныхъ правъ въ одномъ лицѣ и т. под., или же церковное средоточіе мыслится имъ какъ нѣчто несущественно и не необходимо связанное съ единоличнымъ представительствомъ въ сферѣ общаго церковнаго управленія. Не видно также, представляетъ ли авторъ свое средоточіе церковной жизни чѣмъ нибудь реальнымъ, облеченнымъ опредѣленными церковно-юридическими правами, или чисто номинальнымъ и еще въ большей степени титулярнымъ, нежели осуждаемый имъ титулъ первенства чести въ его примѣненіи къ христіанскимъ епископамъ.

Н. Рождественскій.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии

www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки